

Есть поговорка: «Растущий ребенок может есть, пока его отец не разорится».

Теперь Цзян Хуа, наконец, может сказать, что понимает эту поговорку. Он протискивался через шумный рынок, неохотно поглядывая на Ши Удуаня, который ел, пока его маленький животик не стал круглым, и спросил:

«На этот раз ты наелся?»

Ши Удуань кивнул и опустил голову, чтобы доесть вторую половину мискипельменного супа. Лишь после этого он улыбнулся Цзян Хуа, демонстрируя маленькую ямочку на правой, маленькой, круглой щеке. Он спрыгнул с деревянного стула, взял в руки сумку и сказал:

«Спасибо за радушие, старик. Старик, мой шифу велел мне найти тебя и взять что-то, быстро отдай мне это, моя жена все еще ждет меня».

Цзян Хуа посмотрел на него, изображая взрослого, и не смог удержаться от смеха, затем он скрючил пальцы и постучал по его голове:

«Ты, обезьяна, только и помнишь, что девушку из чужого дома. Ты хоть раз серьезно учился на горе Цзюлу? Пойдем со мной».

Ши Удуань с радостью согласился следовать за Цзян Хуа, трио из двух человек и одной птицы вышло за пределы города. Только тогда Цзян Хуа отвязал от плеча древний меч, произнес заклинание, и меч стал удлиняться, пока не достиг почти двух метров. Он повернулся и обратился к Ши Удуаню:

«Поднимись сюда».

На горе Цзюлу часто появляются гении культивации, поэтому, несмотря на то, что такое заклинание встречается не так часто, Ши Удуань не посчитал его чем-то необычным. Но, подумав, что скоро он будет летать на облаках, он пришел в восторг и быстро запрыгнул на меч. Цзян Хуа сотворил заклинание, и древний меч уверенно поднялся в небо. Прошло всего несколько мгновений, и растения и животные на земле стали едва заметны.

Чем выше они поднимались, тем сильнее становился леденящий душу ветер, и хотя древний меч был очень широким и выдерживал вес двух человек, он все равно покачивался на ветру из стороны в сторону, и смотреть вниз было все равно что смотреть в бездну. Сам Цзян Хуа, разумеется, привык к этому, но, опасаясь, что Ши Удуань боится высоты, он решил обнять подростка, который был ростом ему по грудь.

Ши Удуань собирался что-то сказать ему, но в тот момент, когда слова покинули его рот, их уже унесло ветром, поэтому он с трудом оторвал голову от груди Цзян Хуа и стал смотреть туда и сюда, дрожа от возбуждения. Увидев кисточку, которую яростно трепал ветер, он почувствовал, что это что-то такое маленькое, но может увеличиться до таких размеров, что ветер не сможет его повредить, поэтому у маленького проказника возник внезапный порыв пройтись по мечу, который, все еще находился в воздухе, чтобы исследовать его, но был сурово остановлен Цзян Хуа.

Этот маленький проказник совершенно не боялся падения, но Цзян Хуа вдруг понял, что сам немного боится.

Пролетев на мече не более полудня, они добрались до горы, и древний меч замедлил ход. Ши Удуань восторженно глядел, но мог только догадываться, что они где-то в Шу Чжуне или Сяо

Сяне. Все его зрение было приковано к горе, с невероятно пологими склонами, не было никаких признаков выступающих больших камней.

Цзян Хуа повел его прямо к середине горы, расположенной посреди бамбукового леса.

Цзян Хуа повесил обратно свой древний меч и пошел вперед.

Не похоже, что бамбуковый лес образовался естественным путем, пусть следы и слабые, но признаки рукотворных построек налицо. Ши Удуань сосредоточил свой взгляд на слоях бамбука, которые тянулись до самого конца, как кажется, случайным образом, серьезно сжал пальцы, чтобы посчитать, затем спросил:

«Старик, я понял, это же массив «Шесть кругов жизни»?».

Цзян Хуа сильно удивился, он не смог удержаться, повернулся и посмотрел на него, затем улыбнулся:

«Ты, обезьяна, знаешь о массиве «Шесть кругов жизни»?»

Ши Удуань ответил:

«Да, я кое-что узнал о нем, шифу говорил, что там не разделяют вычисление звезд и выстраивание массивов».

Затем Цзян Хуа продолжил спрашивать:

«В таком случае, если я не укажу путь, какие у тебя найдутся способы, чтобы разрушить этот массив?»

Ши Удуань огляделся вокруг с серьезным выражением лица и сказал:

«Метод, чтобы сломать этот массив... У меня есть».

Цзян Хуа радостно подумал про себя, пусть смелость этого ребенка достаточно велика, чтобы раздражать людей, достаточно озорна, чтобы заставить чье-то сердце дрожать, но такая доля интеллекта и природных даров действительно встречается слишком редко. Затем он услышал, как Ши Удуань сказал:

«Этот массив сделан из бамбука, просто нужно подобрать день с правильным направлением ветра и сжечь его, и он будет разрушен.»

Цзян Хуа: «...»

Птица Куйбин снова яростно хлопала крыльями над головой Ши Удуаня.

«Ты, сопляк, а что если я сделаю массив из камней?»

Ши Удуань задумался на некоторое время, затем сказал:

«Ах, тогда я останусь за пределами массива, чтобы взывать к тебе. Старик, ты не позволишь мне питаться воздухом».

Цзян Хуа и правда не знал, что ответить, в целом, он наконец постиг горько-сладкий вкус жизни своего старого друга за прошедшие несколько лет.

Они пересекли бамбуковый лес и увидели небольшой дом в форме башни, окруженный бамбуковой изгородью, увитый неизвестными желтыми цветами, на которых даже блестела ранняя роса, и выглядел он очень красиво. Ши Удуань заметил и тихо удивился, что этот дом не так уж мал, комнаты внутри бамбуковой башни хорошо обставлены. Про себя он подумал, что даже этот странствующий старик практикующий сянь живет в доме.

Цзян Хуа указал на комнату рядом с бамбуковой башней и сказал:

«Располагайся пока там».

Пока он говорил, из той комнаты вышел молодой человек и почтительно поздоровался с Цзян Хуа:

«Господин сянь, вы вернулись».

Цзян Хуа кивнул, затем указал на юношу Ши Удуаню:

«Его зовут Хэ Тун*, его настоящая форма – культивирующий журавль. За последние несколько лет его культивация довольно неплохо улучшилась, если меня не будет, ты можешь подойти к нему со своими проблемами»

(*) лит. журавлиный слуга

Хэ Тун повернулся к все еще смущенному Ши Удуаню, сохраняя свою почтительную позицию, но без особых эмоций, сказал:

«Маленький дао-сюн, пожалуйста, я уже приготовил место для твоего пребывания».

Ши Удуань взглянул на него, затем посмотрел на Цзян Хуа, нахмурился и сказал:

«Старик, разве мой шифу не говорил...».

Цзян Хуа перебил его:

«Ты знаешь, что именно твой шифу хотел, чтобы ты забрал?».

Ши Удуань некоторое время колебался, затем покачал головой. Цзян Хуа улыбнулся и сказал:

«Твой шифу хочет, чтобы ты набрался опыта. Твои навыки звездных расчетов совершенствуются слишком быстро, секта Сюань изначально не является экспертом в этой области. Я много путешествую, знаю о таких вещах, как эти массивы, даже знаю некоторые не очень популярные методы, поэтому он доверил тебя мне, чтобы я научил тебя некоторым простым методам расчета. Первое время можешь побыть здесь, нет необходимости спешить обратно».

Закончив, он, не желая больше ничего говорить, подтолкнул Ши Удуаня плечом вперед и вернулся в свою бамбуковую башню. Хэ Тун, стоявший рядом, поторопил Ши Удуаня следовать за ним, но Ши Удуань не мог удержаться от внутренней мысли: неужели шифу действительно отпустил меня со стариком учиться мастерству?

Даже ребенок, никогда не спускавшийся с горы, как он, ясно понимал, что культивирование пути сянь и пути дао – это две совершенно разные вещи. Более того, хотя даосский мастер и Цзян Хуа знают друг друга уже много лет, у главы секты Сюань нет абсолютно никаких причин отдавать своего близкого ученика под опеку Цзян Хуа.

Ши Удуань с большим подозрением разложил вещи из своей сумки в комнате, потом не удержался и спросил у Хэ Туна, но как выяснилось, несмотря на то, что у этого Хэ Туна тонкие и яркие черты лица, на самом деле он практически не разговаривает. Увидев, что Ши Удуань закончил укладывать вещи, Хэ Тун сразу же ушел, ничего не сказав. Ши Удуань и птица Куйбин некоторое время смотрели друг на друга, затем, достигнув молчаливого понимания, оба начали осматривать комнату.

Очевидно, что Цзян Хуа относился к нему неплохо, условия в комнате не позолочены ни золотом, ни серебром, но они были довольно чистыми, аккуратными и всего хватало вдоволь. Рядом с кроватью была небольшая бамбуковая занавеска. Оказалось, что она соединена с небольшой дверью. Ши Удуань открыл дверь и увидел лестницу, ведущую вниз.

Он окликнул птицу Куйбин:

«Глупая птица, иди сюда быстрее, быстрее, давай спустимся и посмотрим».

Дуэт «один человек - одна птица» взволнованно направился вниз по каменным ступенькам. Внутри они слышали что-то похожее на звук стекающей воды. Дальше под землей они увидели пещеру, в которой, похоже, протекала родниковая вода, и каким-то образом образовался небольшой пруд, вода в котором была настолько прозрачна, что не составляло труда увидеть дно. Ши Удуань дотронулся до воды рукой. Почувствовав, что вода невероятно прохладная, он поднес ее ко рту и сделал два глотка. Он ощутил, что вода необычайно сладкая, даже вкуснее, чем родниковая вода Ганьлу, которую обычно спешат выпить маленькие духи в долине Кангюнь.

Птица Куйбин подпрыгнула на камне, захлопала крыльями и дважды крикнула. Ши Удуань пошел в ту сторону, куда она указывала, и увидел, что рядом с прудом еще есть каменная дверь. Открыв каменную дверь, он обнаружил внутри помещение для хранения книг, по своей структуре напоминающее читальный зал.

Ши Удуань забрался на маленький столик, взял с полки книгу и наугад открыл ее. Это путевой дневник неизвестного автора, написанный о странных и необычных событиях, о которых Ши Удуань никогда не слышал.

Удивленный, Ши Удуань раскрыл другую книгу, на этот раз это оказалась книга по теории звездного расчета. На нескольких страницах, которые он просмотрел, написано лишь упрощенное вычисление «три соединения четырех сторон пяти хаосов», но книга не учила вычислять, а рассказывала о том, как устроен каждый шаг и что за ним стоит.

Ши Удуань сел на стол, скрестив ноги, и начал листать книгу. Он не дошел и до половины, когда понял, что многие вопросы, на которые он раньше не имел ясного ответа, были разъяснены. После этого он не в силах усидеть на месте, отложил текущую и достал еще несколько разных книг. Независимо от того, кто автор - известный или неизвестный, или даже тот, о ком он никогда не слышал ранее, содержимое этих книг - это то, чего он никогда не знал.

На горе Цзюлу не было недостатка в книгах, хотя он и упрям, но за последние несколько лет под присмотром даосского мастера он ни разу не отлынивал от учебы. Не говоря уже о том, что его природные таланты намного превосходят таланты обычного ребенка, обладая фотографической памятью, он и сам считал, что довольно способный. Только сейчас, читая эти книги, он передумал.

Как раз, в этот момент зазевавшийся «божественный воробей» врзался во что-то, что вызвало

небольшое эхо, похожее на звук трехструнного инструмента. Погруженный в чтение, Ши Удуань был поражен этим. Он плавно спрыгнул со стола и увидел, что в углу комнаты стоит цинь... нет, должно быть сэ.

(* Цинь и сэ - оба китайские струнные инструменты.

На инструменте была нанесена замысловатая резьба. При ближайшем рассмотрении Ши Удуань обнаружил необычную особенность этого инструмента. В обычных случаях у обычного я сэ двадцать три струны, у песенного сэ - двадцать пять, но, по его подсчетам, у этого инструмента было пятьдесят струн.

Он не мог удержаться, чтобы не протянуть руку и не пощипать струны. Обычные звуки гусэ подобны течению воды, это умеренный звук, который трогает сердца людей, но при одном его щипке он ощутил в звуках этого сэ невыразимую, томительную печаль. Он не мог остановить себя, чтобы не сделать паузу, и затянувшийся звук медленно рассеивался, как маленькая капля воды, падающая в воду. Ши Удуань внезапно ощутил пустоту внутри, как будто ему немного грустно.

В тот момент, когда он потерял концентрацию, кончик его пальца каким-то образом получил крошечный порез, одна капля крови скатилась по пятидесятиструнному гусэ, но словно всосалась в инструмент, исчезнув в мгновение ока.

Ши Удуань вздрогнул, услышав голос сзади:

«Похоже, у вас какая-то общая судьба».

Ши Удуань повернул голову и увидел, что Цзян Хуа стоял там с неизвестного времени, его выражение лица было неясным, только глаза показывали какие-то сложные чувства.

«Старик»

Цзян Хуа подошел и положил гусэ на стол, сказал:

«Это древний артефакт. Я слышал, что песни, исполняемые на пятидесятиструнном гусэ, имеют очень печальный звук, вызывающий бесконечные чувства, поэтому потомки переделали ее в двадцатипятиструнный инструмент. Сейчас такой гусэ давно утерян и почти не встречается, мне тоже пришлось пройти через множество трудностей, чтобы найти этот».

Его рука провела по гусэ, и снова раздался трогательный звук. Цзян Хуа заметил, что на лице Ши Удуаня снова появилось ошеломленное выражение, и не смог сдержать вздоха. Про себя он подумал, что этот маленький ребенок, который целыми днями играет и находится в самом беззаботном возрасте, но уже проявляет немного печали, он боится, что в будущем...

Он вновь вспомнил слова даосского мастера о том, что у каждого своя судьба, и вздохнул.